

ДИ

ДНЕВНИК
РЕВОЛЮЦИОНЕРА

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛКО

Желько Максимович
АИ Дневник революционера

«Автор»

2026

Максимович Ж.

АИ Дневник революционера / Ж. Максимович — «Автор», 2026

История — это не то, что было. Это то, что могло случиться. В альтернативной России 1917 года один неожиданный поворот меняет судьбу империи и всего мира: Николай II не отрекается, Ленин арестован, а Столыпин становится архитектором новой политической эпохи. Революция не вспыхивает — вместо неё рождается конституционная монархия, которая определяет облик страны на долгие десятилетия. Архивист Анна Сергеевна случайно находит документы, способные разоблачить тайну основания этой идеальной России. Параллельно читатель погружается в дневники Ленина, тайные протоколы министров, записи дипломатов, беседы диссидентов, донесения спецслужб и письма последних Романовых. Постепенно перед нами раскрывается грандиозная мозаика: от предотвращённой революции и новой мировой войны до тайн спецопераций, политических заговоров и неожиданного финала империи в 1991 году. Эта книга — эпическое путешествие по XX веку, которого у нас не было, но который мог бы стать реальностью.

© Максимович Ж., 2026

© Автор, 2026

Желько Максимович

АИ Дневник революционера

Глава 1. Тень в архиве

Санкт-Петербург, 15 марта 2024 года. Поздний вечер

Анна Сергеевна остановилась у входа в подвальные архивы. Коридор погружался во мрак, лишь тусклые лампочки освещали путь к хранилищам особых документов. Воздух здесь был пропитан запахом старой бумаги и временем — тяжёлым, настойчивым, как дыхание истории.

Ключ от сейфа номер семнадцать лежал в её ладони, холодный и неожиданно тяжёлый. Директор архива Всеволод Петрович вручил его со странным выражением лица: -Анна Сергеевна, эти документы... их не читали семьдесят лет. Может быть, не стоит? - Но она уже переступила черту. Тайна, дремавшая в императорских печатях, требовала раскрытия.

Сейф открылся с металлическим скрежетом. Внутри — единственная папка с надписью красными чернилами: -Операция „Золотая птица“-. Для императорских глаз-. Анна осторожно извлекла документы, и первый же лист заставил её сердце учащённо забиться.

-15 февраля 1917 года. Докладная записка начальника Охранного отделения полковника Спиридовича Его Императорскому Величеству.

Ваше Величество! Считаю необходимым довести до Вашего сведения о завершении операции по перехвату большевистского руководства. Как и планировалось, Ульянов-Ленин и его соратники арестованы на границе. Германское золото конфисковано — 50 миллионов марок, предназначенных для финансирования революции в России.

Однако, Ваше Величество, главное открытие не в этом. При обыске у Ленина изъята шифрованная переписка с неизвестным лицом в Петрограде, подписывающимся как „Серый Кардинал-“. Из расшифрованных документов следует, что революционный заговор имеет ещё одну, более опасную ветвь — внутри самого правительства-.

Анна похолодела. Рука, державшая документ, дрожала. Она перевернула страницу и увидела фотокопию письма, написанного знакомым почерком:

-Дорогой Владимир Ильич! План работает безукоризненно. Царь подпишет Манифест о конституции, думая, что спасает трон. На самом деле он подписывает собственный смертный приговор. Конституционная монархия продержится лет двадцать, не больше. А потом народ потребует республику, и корона падёт без единого выстрела. Ваш преданный С.К.-

Сердце Анны билось как молотком по наковальне. Она узнала этот почерк — тот же, которым были написаны проекты конституции в архиве Государственной думы. Почерк Петра Аркадьевича Столыпина.

Внезапно в коридоре раздались шаги. Медленные, размеренные, приближающиеся к архивному залу. Анна торопливо сложила документы и спрятала их в сумку. Свет погас, и в темноте она различила силуэт в дверном проёме.

— Анна Сергеевна, — произнёс знакомый голос Всеволода Петровича. — Что вы здесь делаете так поздно?

— Работаю с документами особого фонда, — попыталась она сохранить спокойствие. — Вы же сами дали мне разрешение.

Директор архива подошёл ближе. В тусклом свете коридора его лицо казалось изменившимся, более суровым.

— Знаете, Анна Сергеевна, некоторые тайны лучше оставить непо потревоженными. Особенно те, что касаются основ нашего государства.

— О чём вы говорите?

— О том, что конституционная монархия — очень хрупкая конструкция. Один неосторожный документ, одна утечка в прессу — и столетний мир может обрушиться. Вы понимаете меня?

Анна медленно кивнула, но сумку крепко прижимала к груди. Документы жгли её сквозь кожу, требуя обнародования правды.

— Всеволод Петрович, а что, если история, которую мы знаем, построена на лжи?

Директор вздохнул и опустился на стул рядом со старинным каталогом.

— Анна Сергеевна, я работаю в этих архивах сорок лет. Видел документы, которые могли бы перевернуть представления о нашей истории. Но знаете что? Люди счастливы. Россия процветает. Зачем разрушать этот мир ради абстрактной истины?

— Потому что правда важнее удобной лжи, — твёрдо ответила Анна.

— Даже если эта правда разрушит жизни миллионов людей? Представьте: завтра газеты напишут, что великий реформатор Столыпин был тайным революционером. Что конституция 1917 года — не дар царя народу, а хитроумная ловушка. Что вся наша государственность построена на обмане. Что будет?

Анна представила заголовки газет, демонстрации на площадях, крушение всего, во что верила её страна. И всё же...

— Но люди имеют право знать правду о своей истории.

— Имеют ли? А может быть, у них есть право на спокойную жизнь без потрясений? На веру в то, что их предки были героями, а не интриганами?

В коридоре повисла тишина. Анна думала о документах в сумке, о столетии, построенном на тщательно скрытой тайне. О том, что Столыпин, возможно, был гениальным провокатором, превратившим революцию в эволюцию, хаос — в порядок, но ценой исторической лжи.

— Всеволод Петрович, а вы давно знаете об этом?

— Подозревал. Слишком гладко всё прошло в 1917-м. Слишком вовремя появились нужные люди, слишком удачно сложились обстоятельства. Но доказательств не было.

— А теперь есть.

— Да. И что вы собираетесь с ними делать?

Анна посмотрела на портрет Николая II, висевший на стене архива. Последний самодержец, ставший первым конституционным монархом. Спаситель России или марионетка в руках гениального интригана?

— Я не знаю, — честно призналась она. — Но знаю одно: эти документы нельзя уничтожать. История имеет право на правду, какой бы горькой она ни была.

Всеволод Петрович медленно кивнул.

— Тогда будьте осторожны, Анна Сергеевна. Вы держите в руках не просто документы. Вы держите судьбу страны.

Анна вышла из архива в предрассветной мгле петербургской ночи. Город спал спокойным сном столетнего благополучия, не подозревая, какая тайна скрывается в его архивах. В сумке лежали документы, способные перевернуть мир.

Но перевернуть ли? Или лучше позволить истории остаться красивой легендой, а людям — жить в мире, построенном на благородной лжи?

Анна шла по пустынным улицам и думала о том, что иногда правда становится проклятием, а ложь — благословением. И что выбор между ними — самый трудный выбор, который может сделать человек.

За её спиной оставался архив с его тайнами. Впереди простиралось утро новой эпохи — или конец старой. Всё зависело от того, что она решит сделать с документами в своей сумке.

История ждала её решения.

Глава 2. Дневник революционера

Гельсингфорс, 3 апреля 1917 года. За день до катастрофы

Свеча плавилась на деревянном столе, отбрасывая дрожащие тени на стены убогой комнаты в гостинице «Северная корона». Владимир Ульянов макал перо в чернильницу, не подозревая, что записывает эпитафию собственной революции. За тонкими стенами слышались приглушённые голоса других постояльцев — беженцев, торговцев, авантюристов, которых война выбросила на финляндский берег.

-Завтра мы должны быть в Петрограде-, — выводил он размашистым почерком, каждая буква пропитана предвкушением триумфа. Финляндский воздух действительно пах свободой — смесь сосновой хвои, морской соли и того особого запаха, который бывает только накануне великих перемен. Запечатанный вагон германского правительства стоял на перроне Гельсингфорсского вокзала, словно металлическая пуля, готовая пронзить сердце империи.

Ульянов отложил перо и потёр уставшие глаза. Бессонные ночи в швейцарском изгнании наложили свой отпечаток — лицо осунулось, борода поредела, но в глазах пылал всё тот же фанатичный огонь. Он поднялся со скрипучего стула и подошёл к окну. Город засыпал под покровом северной весны, фонари зажигались один за другим, как звёзды падающей монархии.

-Николашка отрётся-, — продолжил он, вернувшись к дневнику. Каждое слово давалось с трудом, словно он высекал их из камня истории. -Временное правительство шатается. Ещё один толчок — и власть упадёт к нашим ногам-. На горизонте маячили золотые купола и каменные шпили православных церквей — последние бастионы старого мира. Через день-два, мечтал революционер, они превратятся в клубы рабочей молодёжи, где вместо молитв будут звучать революционные песни.

Но что-то тревожило его в этой кажущейся близости победы. Слишком всё складывалось гладко. Слишком легко немцы согласились предоставить транспорт. Слишком охотно пропустили их через фронтовые линии. Ульянов встал и начал мерить шагами комнату — привычка, выработанная за годы тюрем и изгнания.

В соседней комнате слышались осторожные шаги. Ульянов замер, прислушиваясь. Шаги приближались к его двери, останавливались, удалялись. Возвращались снова. Он задул свечу и в темноте подкрался к замочной скважине. В тусклом свете коридорного фонаря мелькнула фигура в тёмном пальто. Лицо человека скрывала широкополая шляпа, но что-то в его манере двигаться показалось знакомым.

Революционер зажёл свечу и вернулся к столу. Параноидальные подозрения? Или обоснованные опасения? В их деле граница между осторожностью и паникой была тоньше волоса. Он взял перо и добавил к записи: -Надо быть готовым ко всему. Враги не дремлют-.

За окном прозвучал гудок паровоза — последний поезд на Петроград отправлялся без них. Завтра их очередь. Завтра — триумфальное возвращение или...

Ульянов не договорил мысль даже про себя. Некоторые слова лучше не произносить вслух, даже в пустой комнате. Даже наедине с собственным дневником.

Он закрыл тетрадь и спрятал её в потайной карман жилета. Завтра всё решится. Завтра история либо возьмёт их на свои плечи, либо сметёт как пыль.

Но история, как выяснилось наутро, приготовила третий вариант.

Рассвет 4 апреля выдался на удивление ясным. Лучи солнца пробились сквозь занавески и разбудили Ульянова раньше обычного. Он проснулся с тяжёлым предчувствием — то ли от недосыпа, то ли от смутной тревоги, которая не покидала его всю ночь.

Наспех умывшись ледяной водой из рукомойника, он оделся и спустился в вестибюль гостиницы. Хозяин, финн с рыжими усами, кивнул ему с профессиональной вежливостью. В углу за газетой прятался всё тот же человек в тёмном пальто. Теперь, при дневном свете, Ульянов разглядел его лицо и почувствовал, как по спине пробежал холодок узнавания.

Полковник Александр Волконский. Адъютант великого князя Николая Николаевича. Герой Галицийских сражений. И, что самое важное, — тайный агент императорской охраны, специализирующийся на политических делах особой важности.

Ульянов сделал вид, что не узнал полковника, и неспешно направился к выходу. Каждый его шаг отдавался в висках учащённым пульсом. На улице его ждал извозчик — по плану, они должны были доехать до вокзала к десяти утра.

-На вокзал, — сказал он извозчику, — но не спешите-.

Во время короткой поездки по булыжным мостовым Гельсингфорса Ульянов лихорадочно размышлял. Присутствие Волконского не могло быть случайностью. Значит, в Петрограде о их планах знали. Значит, запечатанный вагон — не подарок союзных немцев, а ловушка императорской охраны.

Вокзал встретил их привычным гулом голосов, стуком колёс и паровозными свистками. Запечатанный вагон стоял на третьем пути, охраняемый двумя жандармами в новенькой форме с золотыми пуговицами. Новенькой — это была первая странность. Жандармы обычно носили потрёпанную войной амуницию.

Ульянов подошёл к вагону, показал документы. Ротмистр — молодой офицер с умными серыми глазами — внимательно изучил бумаги. Слишком внимательно для простой формальности.

-Господин Ульянов? — переспросил он. — Владимир Ильич? -

-Да, это я-.

-По приказу Его Императорского Величества, — объявил ротмистр, и в его голосе прозвучала нехорошая официальность, — все пассажиры данного состава задерживаются по подозрению в государственной измене-.

Мир вокруг Ульянова замедлился. Звуки стали приглушёнными, краски — блёклыми. Он попытался протестовать, размахивая немецким паспортом, но слова тонули в ватной тишине нереальности происходящего.

— Это недоразумение! У меня есть все документы! Германское правительство гарантирует...-

-Германское правительство, — спокойно перебил его ротмистр, — уже неделю как денонсировало соглашение о вашем транзите. Вчера в Берлине арестован ваш куратор Парвус. Кайзер решил не играть в революцию на чужой территории-.

Ульянов почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Значит, немцы их сдали. Значит, кто-то в Петрограде сумел переиграть всех — и немцев, и революционеров, и даже само время.

За спиной послышались мерные шаги. Обернувшись, он увидел полковника Волконского, который подходил к ним с видимым удовольствием на лице.

-Владимир Ильич, — проговорил полковник, снимая шляпу в насмешливом поклоне, — какая неожиданная встреча. А я-то думал, вы навсегда останетесь в швейцарском раю-.

-Волконский... — прохрипел Ульянов. — Значит, это ты...-

-Не я, голубчик. Гораздо более высокие силы-. Полковник достал из кармана золотые часы и щёлкнул крышкой. -Кстати, сейчас ровно полдень. А знаете, что происходит в это время в Петрограде? -

Ульянов молчал, чувствуя, как последние надежды рассыпаются прахом.

-Его Величество подписывает указ о помиловании всех политических заключённых при условии признания новой Конституции, — продолжал Волконский с садистским наслаждением. — Представляете? Вместо революции — эволюция. Вместо крови — компромисс. Вместо диктатуры пролетариата — конституционная монархия-.

В этот момент до Ульянова дошёл весь масштаб катастрофы. Николай II не просто сохранил трон — он переиграл всех, предложив то, чего не ожидал никто: добровольные уступки вместо принуждения. Революцию обезглавили не репрессиями, а реформами.

-Россия нуждается в единстве, — процитировал полковник императорский манифест, — а не в братоубийственной войне-. Гениально, не правда ли? Кто после этого пойдёт на баррикады? Зачем бороться за то, что тебе и так дают? -

Жандармы взяли Ульянова под руки. Он не сопротивлялся — в сопротивлении больше не было смысла. Революция умерла, не начавшись. История выбрала другой путь.

А в этот самый момент, за тысячи километров отсюда, на ступенях Таврического дворца стоял Александр Керенский. Адвокат, оратор, мечтатель о свободной России. Он держал в руках копию императорского манифеста и готовился произнести речь, которая изменит всё.

-Граждане России! — гремел его голос над толпой, собравшейся на Шпалерной улице. — Его Величество дарует нам свободу, не отнимая порядка. Мы принимаем этот дар! -

Толпа заревела -Ура! - — тысячи глоток подхватили клич. И Керенский увидел, как красные флаги один за другим исчезают в толпе, уступая место трёхцветным с императорским штандартом в углу.

В этот момент, стоя под весенним солнцем Петрограда, Александр Фёдорович понял: они выиграли. Но выиграли не ту войну, к которой готовились. Не революцию против монархии, а эволюцию вместе с ней.

История, действительно, любит неожиданные повороты. Особенно те, которые превращают врагов в союзников, а революционеров — в конституционалистов.

В финляндской тюрьме Владимир Ульянов записал в своём дневнике последнюю фразу: -Проиграли не мы. Проиграла сама идея революции. Но, может быть, это и к лучшему...-

История сделала крутой поворот, оставив позади пропасть гражданской войны и открыв дорогу к неизведанному будущему конституционной империи.

Глава 3. Тайны царскосельских кабинетов

Царское Село, 20 октября 1917 года. Первый год Конституционной монархии

Осенний ветер шелестел пожелтевшими листьями лип в Александровском парке, когда министр внутренних дел Макаров спешил по мраморным коридорам Екатерининского дворца. Каждый его шаг отдавался эхом в высоких сводах, словно отсчитывая минуты до исторического решения. Запах полировки и старинных гобеленов смешивался с ароматом увядающих хризантем из императорских оранжерей.

В малахитовой гостиной уже собрались министры. Столыпин, восстановленный в должности после мартовских событий, перелистывал толстую папку с докладами. Его седые виски серебрились в свете хрустальных люстр. Николай II входил последним, и Макаров заметил, как изменился Император за эти месяцы. Прежняя усталость в глазах сменилась чем-то новым — решимостью человека, нашедшего свой путь.

-Слушали: доклад председателя Совета министров П.А. Столыпина о ходе аграрной реформы в условиях нового государственного устройства-, — монотонно произнес статс-секретарь, занося первые строки в протокол.

Столыпин поднялся, его фигура отбрасывала длинную тень на персидский ковер. -Ваше Величество, господа министры! Конституция дает нам уникальную возможность проводить реформы без революционного хаоса. Крестьянские банки работают исправно. За восемь месяцев выдано займов на двести миллионов рублей. Помещичьи земли выкупаются добровольно, по справедливой цене. -

Но Макаров слушал не только слова. Он наблюдал за лицами, за жестами, за тем, что скрывалось за официальными формулировками. Министр финансов нервно теребил золотую цепочку карманных часов. Военный министр исподтишка изучал какую-то записку. А сам Столыпин... в его глазах мелькало что-то похожее на тревогу.

-Петр Аркадьевич, а как дела с рабочим вопросом? - — голос Николая II звучал ровно, но Макаров уловил в нем скрытое напряжение.

-Закон о восьмичасовом рабочем дне принят Думой единогласно-, — ответил Столыпин, на мгновение отвернувшись к окну. -Фабриканты ворчат, но забастовок нет. Профсоюзы получили законный статус. Господин Милюков предложил создать министерство труда. -

Единогласно? Макаров вспомнил бурные дебаты в Таврическом дворце, крики депутатов, едва не доходившие до рукоприкладства. Октябристы требовали десятичасовой день, кадеты настаивали на восьми часах, а социал-демократы вообще предлагали шесть. Единогла-

сие было достигнуто лишь после закрытых переговоров, о содержании которых знали немногие.

Настал его черед. Макаров встал, ощущая, как сердце учащенно бьется под мундиром. -Донесения с мест обнадеживают. Крестьянские волнения прекратились после обещания земельной реформы. В городах — порядок. Анархисты бездействуют, эсеры перешли в оппозицию Ее Величества. -

Он не упомянул о других донесениях. О тайных собраниях в подвалах Питера, где бывшие революционеры строили новые планы. О загадочных телеграммах из Финляндии, где Ленин все еще находился под арестом, но каким-то образом умудрялся посылать директивы своим сторонникам. О странных слухах, что германские агенты не сложили оружия после февральского переворота, а наоборот, активизировали подрывную деятельность.

-Господа, мы идем верным путем-, — произнес Император, и в его словах Макаров услышал не столько уверенность, сколько надежду. -Россия может быть великой и свободной одновременно. Но помните: корона — не украшение, а обязательство перед народом. -

Столыпин кивнул. -Ваше Величество совершенно правы. Новая Россия будет построена не на крови, а на законе. -

Заседание подходило к концу, но Макаров знал — настоящие решения будут приниматься после официального протокола. Когда статс-секретарь запишет последние строки и удалится, когда в гостиной останутся только самые доверенные люди Империи.

И тогда начнется разговор о том, что действительно происходит в России осенью 1917 года.

Часы пробили половину четвертого, когда последний чиновник покинул малахитовую гостиную. Николай II жестом предложил министрам остаться. Слуги зажгли дополнительные свечи в канделябрах — октябрьские сумерки наступали рано.

-Теперь можем говорить откровенно-, — сказал Император, развязывая орденскую ленту. -Алексей Николаевич, каково реальное положение дел? -

Макаров достал из портфеля папку с грифом -Совершенно секретно-. -Ваше Величество, внешне все выглядит благополучно. Но под поверхностью бурлит. - Он раскрыл первый лист. -Вчера в Кронштадте задержаны трое матросов с большевистской литературой. На Путиловском заводе распространяются листовки с призывом к вооруженному восстанию. А в Москве...-

-В Москве что? - — резко спросил Столыпин.

-В Москве некий Феликс Дзержинский организовал подпольную сеть. Формально — культурно-просветительское общество. Фактически — боевая организация. Наши агенты установили связи с польскими социалистами и даже... с германской разведкой. -

Воцарилась тишина. За окнами шумел осенний ветер, где-то вдалеке раздавался лай собак из императорской псарни. Николай II медленно прошелся к камину, где потрескивали березовые поленья.

-Германцы не успокоились после февраля? - — тихо спросил он.

-Похоже, что нет, Ваше Величество. Наш успех с Конституцией сорвал их планы по развалу России изнутри. Теперь они действуют по-другому. Финансируют любые антиправительственные силы — от анархистов до монархистов-экстремистов. -

-Монархистов-экстремистов? - — удивился военный министр. -Но мы же сами монархисты! -

Макаров горько улыбнулся. -Не всем нравится конституционная монархия, господин генерал. Есть люди, мечтающие о возвращении самодержавия. Они считают Его Величество изменником династических традиций. -

Столыпин откашлялся. -Алексей Николаевич прав. Я получаю анонимные письма, где меня обвиняют в разрушении исконно русских устоев. Мол, превратил Империю в какую-то швейцарскую республику с царем во главе. -

-А что думает народ? - — спросил Николай II. -Настоящий народ, не политики и не агитаторы. -

-Народ устал, Ваше Величество-, — честно ответил Макаров. -Устал от войны, от неопределенности, от постоянных перемен. Конституция его мало интересует. Ему нужны мир, хлеб и земля. В таком порядке. -

— Значит, дадим ему это-, — решительно произнес Император. -Петр Аркадьевич, ускорьте земельную реформу. Пусть к весне каждый крестьянин получит свой участок. А с войной...- Он замолчал, глядя в огонь.

-С войной что, Ваше Величество? -

-С войной нужно кончать. Но не так, как предлагают большевики — сепаратным миром с немцами. А честно, на равных с союзниками. Россия выполнила свой долг. Теперь пусть выполняют свой. -

Столыпин нахмурился. -Французы и англичане не поймут. Они рассчитывают на русское наступление весной. -

-Тогда пусть сами наступают-, — жестко сказал Николай II. -У меня есть более важная задача — сохранить Россию. А сохранить ее можно, только дав народу то, чего он хочет. -

Макаров почувствовал, как в комнате меняется атмосфера. Император принимал решение, которое изменит ход истории. И он, министр внутренних дел, был свидетелем этого момента.

-Есть еще одна проблема-, — тихо сказал он. -Ленин в финляндской тюрьме стал символом. Его арест радует правых, но возмущает левых. А международное общественное мнение...-

-А что предлагаете? -

-Выпустить его. Под честное слово покинуть пределы Империи и больше не заниматься революционной деятельностью. -

-Вы с ума сошли! - — воскликнул военный министр. -Он же тут же организует новый переворот! -

-Нет-, — медленно произнес Макаров, глядя в глаза Императору. -Не организует. Потому что у него не будет почвы. Дайте народу землю, мир и хлеб — и никто не пойдет за красными знаменами. А Ленин без массы — это просто эмигрант с манией величия. -

Николай II долго молчал. Потом встал и подошел к окну. За стеклом в сумерках виднелись огни Царского Села — тихого, провинциального городка, ставшего центром великих исторических перемен.

-Хорошо-, — наконец сказал он. -Освободите Ленина. Но под конвоем до границы. И пусть весь мир знает — Россия великодушна к своим врагам, но непреклонна в защите своих принципов. -

-А если он вернется? -

-Тогда мы имеем полное право судить его как иностранного шпиона-, — холодно ответил Император. -В конце концов, он ехал в германском вагоне на германские деньги. -

Поздним вечером, когда министры разъехались, Николай II остался один в своем кабинете. На столе лежали донесения с фронта, дипломатические ноты, петиции от крестьянских обществ. Но он читал совсем другой документ — письмо от жены.

-Ники, — писала Александра Федоровна из Ливадии, где она лечила нервы после потрясений года, — я все думаю о твоём решении. Было ли оно правильным? Отдать власть, которую веками собирали наши предки? Иногда мне кажется, что ты совершил величайшую ошибку в истории династии. Иногда — что совершил величайший подвиг. -

Император отложил письмо и подошел к портрету Александра II — царя-освободителя, отменившего крепостное право. Тот тоже рисковал тронem ради преобразований. И тоже не знал, как обернется его решение.

Где-то вдалеке раздался гудок поезда — последняя электричка уходила в Петроград. В вагонах сидели рабочие и служащие, возвращавшиеся домой после трудового дня. Обычные люди с обычными заботами. Ради них и было принято решение о Конституции.

Николай II взял перо и начал писать ответ жене:

-Дорогая Аликс, правильность решения покажет время. Но я знаю одно — лучше уступить вовремя, чем потерять все. Россия больше любой династии, даже нашей. И если Конституция поможет ей стать сильной и процветающей, значит, мы поступили правильно. -

За окном догорала осенняя заря. Первый год конституционной монархии подходил к концу. Впереди лежали десятилетия неизвестности, трудностей, поисков. Но главное решение было принято — эволюция вместо революции, закон вместо насилия, диалог вместо диктатуры.

История сделала свой выбор в пользу разума.

И в малахитовой гостиной Екатерининского дворца, где еще пахло воском потухших свечей и осенними цветами, тихо тикали старинные часы, отсчитывая время новой эпохи в истории России.

Глава 4. Письмо из изгнания

Цюрих, 15 января 1920 года. Четвёртый год изгнания

Владимир Ильич отложил перо и посмотрел на дрожащую руку. Чернильная клякса расплзлась по бумаге, словно тёмная кровь на снегу. За окном цюрихской комнатухи на Шпигельгассе метель играла призрачными хороводами, и каждая снежинка напоминала о том, что осталось в России — о мечтах, превратившихся в пепел.

Он начал письмо заново, борясь с подступающей тошнотой. Доктор Фрице говорил о нервном истощении, но Ульянов знал правду: его тело отказывалось жить в мире, где революция потерпела поражение не от пуль и штыков, а от чернильного росчерка царского пера.

-Дорогая Надежда Константиновна, — выводил он знакомые строки. — Пишу тебе из нашей убогой комнатухи на Шпигельгассе. За окном швейцарский снег, белый и равнодушный, как надежды на возвращение-.

Каждое слово давалось с трудом. Ульянов словно вырезал их из собственной плоти, оставляя кровоточащие раны в душе. Крупа вчерашнего письма от Каменева лежала на столе — предательские строки танцевали перед глазами, размываясь от не проливающих слёз.

-Россия потеряна. Николай переиграл нас всех своей -мягкой революцией--.

Он остановился, сжав кулаки. Воспоминания нахлынули с жестокостью зимнего ветра. Апрель 1917-го. Финляндский вокзал. Арест. Но не это было самым страшным. Страшным было то, что произошло потом.

В камере предварительного заключения к нему пришёл человек в штатском — невысокий, с пронзительными глазами за стальными очками. Представился как советник Министерства внутренних дел Георгий Владимирович Чичерин.

— Владимир Ильич, — сказал он тихо, — у вас есть выбор. Император готов простить прошлое. Амнистия, возвращение в Россию, даже место в Академии наук. Одно условие — публичное признание конституционной монархии.

Ульянов тогда плевался, кричал, называл Чичерина предателем и лакеем. Но Чичерин только улыбался печально:

— Я тоже был революционером, Владимир Ильич. Но посмотрите вокруг — что дала нам революция? Кровь, хаос, братоубийство. А Николай предлагает то же самое, чего мы хотели, но без жертв. Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, власть — народу. Только через парламент, а не через баррикады.

— Лжёт! — кричал Ульянов. — Буржуазная провокация!

— Тогда оставайтесь здесь, — спокойно ответил Чичерин. — Смотрите, как ваша мечта осуществляется без вас.

И теперь, три года спустя, Ульянов видел: Чичерин не лгал. Статистика была убийственной, как приговор.

-Получил вчера письмо от Каменева. Он принял амнистию, вернулся в Петроград и.. пишет статьи в -Конституционном вестнике-! Представляешь? Наш Каменев хвалит столыпинские реформы и -мудрость Императора--.

Рука снова задрожала. Каменев... Его старый соратник по борьбе писал о -социалистических элементах в российской конституции-, о том, как -мудрая политика Его Величества направляет страну по пути прогресса без кровавых жертв-. Предательство? Или прозрение?

-Зиновьев тоже сдался — получил место в Академии наук. Изучает, как он пишет, -социальные процессы в условиях конституционной монархии--.

Григорий... Тот самый Зиновьев, который клялся -залить буржуазию её собственной кровью-, теперь читал лекции студентам о -мирном переходе к социальному государству-. В его последнем письме, пришедшем месяц назад, была приписка: -Володя, ты ошибся. Революция победила. Просто она оказалась не нашей-.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.